

УДК 94 (437) (328)"1940/1944"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/57/16

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ МЕЖВОЕННОЙ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В ОЦЕНКАХ ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЧЕХОСЛОВАКИИ В ЛОНДОНЕ (1940–1944 гг.)

О.Г. Казак

Минский городской педагогический колледж
Беларусь, 220114, г. Минск, ул. Макаёнка, 29
E-mail: olegkazak90@tut.by

Авторское резюме

В статье анализируются взгляды членов правительства Чехословакии в эмиграции на устройство национально-культурной жизни в Подкарпатской Руси. Особое внимание уделено деятельности канцелярии по делам Подкарпатской Руси при Министерстве внутренних дел, противостоянию русофилов и украинофилов в среде представителей политической эмиграции из Подкарпатской Руси в Великобритании. Основу источниковой базы работы составляют документы Национального архива Чешской Республики (г. Прага). В работе делается вывод о том, что чехословацкое правительство в Лондоне заняло двойственную позицию относительно национально-культурной природы жителей Подкарпатской Руси. С одной стороны, декларировалась свобода выбора населением региона собственной идентичности. С другой стороны, многие члены правительства скрыто или явно симпатизировали силам, считавшим население края украинцами. Деятели, которые считали русинское население Подкарпатской Руси органичной частью единого русского народа, фактически оказались в изоляции. Особый интерес представляет реферат подполковника А. Баровского, который на протяжении 10 лет (до событий марта 1939 г.) проходил службу в Подкарпатской Руси. Автор данного документа предложил оригинальное видение общественно-политического и национально-культурного ландшафта региона. По мнению А. Баровского, многие политики (как украинофильского, так и русофильского лагеря), претендовавшие на роль лидеров общественного мнения, являлись популистами и не думали о насущных проблемах местного населения края.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, национально-культурная жизнь, русины, чехословацкое правительство в эмиграции, канцелярия по делам Подкарпатской Руси.

NATIONAL AND CULTURAL LIFE OF THE INTERWAR SUBCARPATHIAN RUS IN THE ASSESSMENTS OF MEMBERS OF THE CZECHOSLOVAK GOVERNMENT IN LONDON (1940–1944)

O.G. Kazak

Minsk City Pedagogical College
29 Makajonka Street, Minsk, 220114, Belarus
E-mail: olegkazak90@tut.by

Abstract

The article analyses the views of the Czechoslovakia government in exile on the national and cultural life in Subcarpathian Rus. Particular attention is paid to the activities of the Office for Subcarpathian Rus at the Ministry of Internal Affairs and confrontation between the Russophiles and Ukrainophiles among its employees. The source base of the research is formed by the documents of the National Archives of the Czech Republic (Prague). The author concludes that the Czechoslovak government in London held a dual position regarding the national and cultural life of the residents of Subcarpathian Rus. On the one hand, the population of the region was declared free in their choice of identity. On the other hand, many government members secretly or openly sympathised with the forces that considered the population of the region Ukrainians. Those who considered the Rusinian population of Subcarpathian Rus to be an integral part of the united Russian nation were actually isolated. Of particular interest is the abstract by Lieutenant-Colonel A. Barovski, who for 10 years (before March 1939) had served in Subcarpathian Rus. The author of this document proposed an original vision of the socio-political and national-cultural landscape of the region. According to A. Barovsky, many politicians (both of the Ukrainophile and Russophile camps), who claimed to be the leaders of public opinion, were populists and did not think about the current problems of the local population of the region.

Keywords: Subcarpathian Rus, national cultural life, Rusins, Czechoslovak government in exile, Office for the Affairs of Subcarpathian Rus.

Общественно-политическая и культурная жизнь Подкарпатской Руси в межвоенный период, когда регион входил в состав Чехословакии, характеризовалась острым противоборством между интеллектуальными направлениями, представители которых по-разному определяли национальную природу русинского населения края.

В научной литературе выделяют следующие направления: русофилы, украинофилы, русинофилы. Русофилы трактовали русинов как самую западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана, указывали на огромный духовный потенциал русской цивилизации, к достижениям которой, по их мнению, должны были приобщиться русины. Украинофилы считали местное население частью украинского народа с «неразбуженным» самосознанием. Постепенно выкристаллизовывалось русинофильское течение, представители которого считали русинов отдельным славянским народом, а не частью русских или украинцев.

Некоторые русинисты отмечают несовершенство данных дефиниций. Так, согласно определению М.Ю. Дронова, «сам термин *русофильство* применительно к русинам, как правило, понимается совершенно иначе, чем в случае, когда речь заходит, например, о симпатизирующих русским и их культуре немцах, французах или даже западных и южных славянах. Последние, хотя и акцентировали свое положительное отношение к русскому народу, все же не отождествляли себя с ним. Напротив, именно такое отождествление имело место быть у русофильски ориентированных русинов» (Дронов 2010: 77). Использование в статье терминов «русофилы», «украинофилы», «русинофилы» диктуется сложившимися в современной науке традициями (работы П.Р. Магочия, К.В. Шевченко и др.).

Прага предоставляла относительную свободу различным национально-культурным направлениям, однако большую поддержку (особенно в 1920-е гг.) оказывала представителям украинофильского лагеря. Известный русинист К.В. Шевченко выделяет несколько причин, обусловивших данную ситуацию. Во-первых, украинофилы были предпочтительнее для чехословацких властей в качестве противовеса венгерскому ирредентизму (дело в том, что многие русофилы ориентировались на Венгрию). Во-вторых, украинофилы были идеологически близки левым силам, имевшим большое влияние в межвоенной Чехословакии (Шевченко 2003: 11).

Немаловажным являлся и внешнеполитический фактор. Благодаря своему вмешательству в национально-культурный ландшафт Подкарпатской Руси, Прага готовила почву для эвентуальной дестабилизации ситуации в соседней Польше, отношения с которой у Чехословакии оставались напряженными. Для Польши украинская проблема являлась одним из наиболее болезненных факторов внутренней политики. Показательно, что чехословацкое Министерство иностранных дел во главе с Э. Бенешем заняло наиболее благоприятную позицию по отношению к деятелям украинофильского лагеря и в ходе межведомственного обмена мнениями в 1920-е гг. защищало их от обвинений

в нелояльности со стороны представителей Министерства внутренних дел. Сотрудники МВД постоянно получали донесения о том, что активисты украинского движения называли чешских чиновников, работавших в Подкарпатской Руси, «чужеземцами», видели регион «частью Великой Украины» (Jarnecki, Kołakowski 2017: 83–84). Радикальные украинофилы во главе с премьер-министром автономного правительства А. Волошиным в немалой степени поспособствовали окончательному краху чехословацкой государственности в марте 1939 г.

Чехословацкое правительство в эмиграции (неофициальное название Национального комитета освобождения Чехословакии, с 1940 г. действовавшего в Великобритании) рассчитывало на восстановление своей страны в домюнхенских границах. После присоединения Подкарпатской Руси к Венгрии (ноябрь 1938 г., март 1939 г.) новые власти активно пропагандировали идею о том, что Прага намеренно развязала в регионе «языковую борьбу» между сторонниками русской, украинской и локальной русинской национальными ориентаций, спровоцировав раскол автохтонного славянского населения (Казак 2015: 323–324). Чехословацким элитам, действовавшим в эмиграции, нужно было подготовить адекватный ответ на данные обвинения и выработать стратегию своих дальнейших действий в русинском вопросе.

Позиция чехословацких политических элит в этом вопросе отличалась некоторой двойственностью. Члены правительства в эмиграции неоднократно заявляли, что в возрожденном чехословацком государстве народ Подкарпатской Руси должен самостоятельно, без давления Праги, выработать четкое представление о собственной национально-культурной природе. Наличие различных национально-языковых направлений в регионе трактовалось как признак демократичности чехословацкого государства. Так, министр внутренних дел Ю. Славик на заседании Государственного Совета 22 декабря 1943 г. заявил: «Правительство не может занимать односторонней позиций в языковых и других вопросах, в которых между представителями Подкарпатской Руси в эмиграции нет единства. Эти вопросы должны быть решены демократическим путем и только дома» (Němeček 2012: 558). Я. Нечас на заседании Государственного Совета 15 марта 1944 г. напоминал, что «в эпоху самостоятельности республики вопрос о родном языке населения Подкарпатской Руси решался таким образом, что там, согласно заветам Я.А. Коменского, существовали школы на 11 языках» (среди них назывались украинский, русский и «местный» языки) (NACR 1).

Наиболее отчетливо анализируемый подход чехословацких элит

проявился в ходе межведомственного обмена мнениями по вопросу наименования жителей Подкарпатской Руси, принимавших участие в деятельности сформированного в СССР чехословацкого батальона (позже – корпуса). 28 января 1943 г. сотрудники МИД ответили на соответствующий запрос Министерства обороны следующим образом: «В Чехословакии этот вопрос никогда не был решен, наблюдалась тенденция к переплетению национальных и языковых проблем. Мы должны не вмешиваться, предоставить отдельным направлениям (русскому, украинскому и местному русинскому) максимально возможную свободу. В языковом законе № 22 от 1920 г. указано, что языковой вопрос в Подкарпатской Руси должен быть решен в соответствии с Конституцией, т. е. сеймом. Пока этого не произойдет, вопрос будет решаться с учетом местных обстоятельств в регионе. МИД считает, что если этот вопрос не был решен ранее, то нынешняя ситуация еще менее пригодна для его решения. Есть угроза подорвать дух чехословацкой армии. Следует продолжать использовать наименование население в географическом смысле, которое никак не будет указывать на будущее решение национального и языкового вопросов. Лучше использовать наименования "чехословацкие граждане Подкарпатской Руси" или "жители Подкарпатской Руси"» (НАСР 2).

Более обстоятельный ответ на запрос Министерства обороны был подготовлен сотрудниками МВД. На их взгляд, в качестве оптимального этнонима в отношении жителей Подкарпатской Руси мог выступить термин «русин». Отмечалось, что в Сен-Жерменском мирном договоре содержалась формулировка «русинский народ к югу от Карпат», профессор конституционного права Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе З. Пешка считал целесообразным использовать термин «подкарпатские русины» в официальных документах. В материале МВД утверждалось, что употребление этнонимов «русский» и «украинец» в реалиях Подкарпатской Руси имело сильный политический подтекст: термин «подкарпатские украинцы» использовала Народная Рада в Хусте, которая в 1919 г. выступала за включение края в состав Украины, а термин «подкарпатские русские» – делегаты конгресса в Нью-Йорке в июле 1917 г., принявшего меморандум об «объединении всех русских и присоединении Подкарпатской Руси к России». Авторы документа делали следующий вывод: «Передайте начальнику миссии, что для армии в СССР будет лучше использовать термин «подкарпатские русины» для наименования всех жителей Подкарпатской Руси. А вопрос официального наименования решит само население Подкарпатской Руси после окончания войны» (НАСР 2).

29 января 1943 г. на заседании Государственного Совета его председатель Я. Шрамек заявил, что для наименования военнослужащих из

Подкарпатской Руси в СССР МВД из множества других было выбрано определение «подкарпатские русины». Министр Я. Лихнер возразил: «Это венгерская теория» (Němeček 2012: 85). Действительно, в 1938–1944 гг. официальными венгерскими идеологами, учеными и публицистами утверждалось, что русины являются отдельным народом (а не русскими или украинцами), тесно связанным с венграми и лояльным венгерскому государству (Казак 2017: 63–71). Впрочем, Я. Шрамек прервал министра: «Это не может быть предметом дебатов» (Němeček 2012: 85).

Многие члены правительства Чехословакии в эмиграции, декларируя приверженность идеям свободного выбора населением Подкарпатской Руси своей национально-культурной идентичности, в той или иной степени симпатизировали украинофилам. Об этом отчетливо свидетельствует позиция правительства в отношении русофила П. Цибере, который в 1941–1942 гг. возглавлял канцелярию по делам Подкарпатской Руси при МВД (ранее данный деятель был руководителем Аграрного союза молодежи Подкарпатской Руси, генеральным секретарем Центрального карпаторусского национального совета) (Офіцинський 1997: 129–130). На протяжении непродолжительного периода руководства канцелярией П. Цибере постоянно подвергался резкой критике за свое нежелание идти на компромисс с представителями иных национально-культурных направлений (Němeček 2012: 192–193). 27 ноября 1942 г. правительство приняло решение ликвидировать канцелярию по делам Подкарпатской Руси и возложить свойственные ей ранее задачи на отдел пропаганды МИД (Němeček 2012: 758).

20 июля 1943 г. П. Цибере, который на тот момент оставался членом Государственного Совета, направил в адрес правительства специальный меморандум. Документ содержал стандартные еще для межвоенного периода обвинения Праги в излишнем централизме, нежелании предоставить Подкарпатской Руси обещанную автономию, недостаточном внимании к проблемам местного населения (П. Цибере для его обозначения использовал этнонимы «карпатороссы», «карпаторусский народ»). Содержание меморандума соответствовало последовательной прорусской позиции автора: «Мы не против культуры западных славян, но придерживаемся национального и культурного единства с великим русским народом... Карпатороссы были и остаются ветвью русского народа и никогда не представляли и не представляют возможности своего национального возрождения без естественного развития русской культуры, русского языка и самой тесной связи с русской нацией». П. Цибере справедливо указывал, что в межвоенный период власти Чехословакии благосклонно относились к

переселенцам из соседней Галиции, которые работали в учебных заведениях Подкарпатской Руси и активно пропагандировали украинскую модель национальной идентичности. В меморандуме отмечалось, что правительство в Лондоне не отказалось от прежней политики Праги, фактически сняло с актуальной повестки дня вопрос о Подкарпатской Руси, в своей публицистике использовало для наименования региона и его населения термины «Карпатская Украина», «украинский», что не соответствовало историческим реалиям (NAČR 3).

В течение второй половины 1943–1944 г. меморандум П. Цибере регулярно обсуждался на заседаниях Государственного Совета. В частности, утверждалось, что русофильский деятель не желал конструктивно сотрудничать с представителями иных национально-культурных направлений Подкарпатской Руси, а также с членами правительства. Негативно оценивались его попытки актуализировать вопрос о пересмотре административных границ Чехословакии (включение в состав Подкарпатской Руси территорий Восточной Словакии, где значительную часть населения составляли русины). Кроме того, на одном из заседаний была озвучено предположение, что Цибере после восстановления чехословацкой власти в Подкарпатской Руси хотел занять пост губернатора (Němeček 2012: 440–441).

В 1943–1944 гг. П. Цибере не принимал активного участия в жизни чехословацкой эмиграции. На ведущие позиции в среде эмигрантов из Подкарпатской Руси в Лондоне вышел украинофил И. Петрушак. В 1930-е гг. он являлся секретарем краевого комитета коммунистических «красных профсоюзов» в Подкарпатской Руси, редактором газет «Рабочая молодежь» и «Голос жизни». После событий марта 1939 г. И. Петрушак по заданию Коммунистической партии Чехословакии эмигрировал в Великобританию. После нападения Германии на СССР последовало сближение на антифашистской основе всех течений чехословацкой эмиграции, вследствие чего Петрушак был делегирован руководством КПЧ как один из ее представителей в Государственный Совет (Поп 2001: 301).

Выступление И. Петрушака на заседании Госсовета 15 марта 1944 г. представляло собой заочную полемику с П. Цибере. Украинофильский деятель, заявлявший о своей полной лояльности Праге, критиковал своего оппонента за «устаревшие» идеи «неделимого русского народа», «терминологию партии Куртяка» (И. Куртяк – лидер провенгерской партии «Подкарпатский хлеборобский союз» и ее приемника – партии «Автономный земледельческий союз» – в 1920–1933 гг.). И. Петрушак справедливо утверждал, что политические партии «украинской линии» (прежде всего коммунисты) показывали хорошие результаты на выборах в Подкарпатской Руси (NAČR 4).

Действительно, коммунисты в Подкарпатской Руси выступали наиболее последовательными сторонниками украинской национально-культурной ориентации. В «Воззвании Центрального комитета КПЧ к трудящимся Закарпатской Украины» от 14 января 1932 г. декларировалась приверженность коммунистов региона проукраинским идеям: «Он (чешский империализм. – О.К.) запрещает нам объявлять себя частью великого сорокамиллионного народа, который живет на Галиции, на Волыни, в Бессарабии и который в бывшей России освободил себя от ярма царей, капиталистов и помещиков» (РГАСПИ 1: 2). Такая позиция коммунистов региона была во многом предопределена многочисленными инструкциями Коминтерна. Так, в инструкции Политического секретариата Коминтерна от 13 августа 1927 г. отмечалось: «Центральному комитету КПЧ рекомендуется принять к сведению заявление краевой организации Закарпатской Украины о том, что как в отношении языка, школы, так и национальности закарпатские товарищи объявляют себя украинцами. В соответствии с этим товарищам из КПЧ рекомендуется избегать в печати, в парламенте, на собраниях старую терминологию "русины", "Закарпатская Русь"» (РГАСПИ 2: 56). Впрочем, популярность коммунистической идеологии в Подкарпатской Руси объяснялась скорее сложным материальным положением местного населения, нежели его осознанным принятием украинской модели идентичности.

Для доказательства украинской национальной природы населения Подкарпатской Руси И. Петрушак ссылался на данные Чешской академии наук (1919 г.) (НАСР 4). Действительно, в ответ на запрос региональных властей экспертная комиссия подготовила письмо, подписанное министром просвещения Г. Габерманом. Авторы документа не считали нужным вести работу над созданием нового русинского языка и рекомендовали использовать в образовательном процессе «малорусский язык, который используют ближайшие соседи и единоплеменники (жители Галиции. – О.К.)». И. Петрушак, однако, в своем выступлении не упомянул следующий факт: эксперты подчеркивали необходимость изучения в средней школе русского языка, «чтобы жители Карпатской Руси не были лишены чувства, что они и как украинцы принадлежат к великому русскому народу» (Черничко, Фединець 2014: 86–87). Еще более сомнительным видится утверждение И. Петрушака о том, что абсолютное большинство населения Подкарпатской Руси выступало против использования учебников на русском языке (НАСР 4). В действительности же в 1937 г. был проведен своеобразный плебисцит среди родителей учеников школ края относительно грамматики, которая должна была преподаваться в учебных заведениях. Родители могли выбрать между грамматикой

И. Панькевича, основанной на украинском литературном языке, и грамматикой Е. Сабова, близкой к русскому языку (Jarnecki, Kołakowski 2017: 88). Результаты плебисцита (более 73 % родителей отдали свой голос за грамматику Е. Сабова) свидетельствуют о том, что абсолютное большинство населения Подкарпатской Руси в конце 1930-х гг. не приняло украинскую национально-языковую идентичность. И это несмотря на то, что украинские работники просвещения при самой активной поддержке центральных властей успели занять прочные позиции в школьной системе края.

Все представители чехословацкой политической элиты, выступавшие на заседании Государственного Совета 1 июня 1944 г., поддержали И. Петрушака в его заочном споре с П. Цибере. Было выражено принципиальное несогласие с трактовкой Цибере русинов как ветви единого русского народа. Особое раздражение участников заседания вызвало то, что политик позиционировал себя в качестве единственного выразителя интересов населения Подкарпатской Руси. Так, В. Носек отмечал: «П. Цибере всегда подчеркивал, что он единственный представитель Подкарпатской Руси, добивался, чтобы под него был создан специальный орган управления, который представлял бы Подкарпатскую Русь в эмиграции и был бы автономным. Но единственным представителем Чехословацкой Республики является президент, а Государственный Совет – это лишь консультативный орган. Просто невозможно, чтобы П. Цибере выступал как единственный представитель всего подкарпатского народа» (НАСР 5).

Проукраинские симпатии представителей чехословацкой политической эмиграции прослеживаются и в частной переписке. Например, член Государственного Совета Г. Рипка в письме известному общественному деятелю С. Нейману (11 октября 1944 г.) выражал свою уверенность в украинской природе населения Подкарпатской Руси и демонстрировал умеренно негативное отношение к русофильским настроениям, свойственным значительной части жителей края: «Народ сам решит языковые и богословско-церковные вопросы, в них не будут вмешиваться чехи, словаки и центральная власть. Не может быть ни малейшего сомнения, что большинство народа Подкарпатья по своей природе – украинцы. Поэтому более чем правдоподобно, что после освобождения регион будет именоваться Подкарпатской Украиной (данное название используется уже сегодня). Украинский фундамент народа и преимущественно украинский характер общественной жизни бесспорны. никоим образом не должен вырасти барьер перед русским языком, особенно перед наследием великих русских культурных деятелей. Но будет положен конец всем русификаторским тенденциям, которые в прошлом вызывали много споров,

выгоду из которых имели враги славянского народа Подкарпатъя» (НАСР 6).

Представители чехословацкой элиты в Лондоне старались лучше разобраться в политическом ландшафте межвоенной Подкарпатской Руси. Об этом свидетельствует ряд документов, отложившихся в фондах пражских архивов. Особый интерес представляет реферат подполковника А. Баровского, который на протяжении 10 лет (до событий марта 1939 г.) проходил службу в Подкарпатской Руси. Данный документ был направлен в МВД представителями Министерства национальной обороны. В реферате подробно характеризуются взаимоотношения представителей местной общественно-политической элиты, которые являлись сторонниками различных национально-языковых направлений. А. Баровский считал, что многими политиками двигали личные интересы и амбиции, а отнюдь не забота о населении региона. Так, автор документа уличал влиятельного политика А. Бродия в «симуляции русинства, а затем русофильства» и в целенаправленной деятельности на средства и в интересах Будапешта. Лидер украинофильского лагеря А. Волошин характеризовался как «неплохой человек со слабой волей». По мнению А. Баровского, А. Волошин «поддался влиянию галицких эмигрантов», которыми «кишела ужгородская семинария» и которые «видели в Подкарпатской Руси ядро Великой Украины и привили эту фантастичную идею А. Волошину». Еще один крупный украинофильский политик Ю. Ревай виделся А. Баровскому популистом и демагогом: «Ю. Ревай – бывший учитель, коммунист, затем социал-демократ. Мог прийти на воскресное общественное собрание в заштопанных штанах, а вечером надеть щегольской костюм, наодеколониться и проводить время в обществе венгров... Его жена носила дорогие меха, люди говорили, что они стоили 30 000 крон. Его дети и секретарь жили в роскоши, в то время как вся земля ждала поставок кукурузы. Однажды на одном приеме я сидел рядом с ним и не слышал из его уст никакой речи, кроме венгерской. Его жена и дети также говорили только по-венгерски» (НАСР 7). А. Баровский считал, что участие многих политиков края в общественной и национально-культурной жизни было обусловлено конъюнктурными соображениями и желанием добиться успехов в политической борьбе, а отнюдь не глубинными идейными убеждениями.

Таким образом, чехословацкое правительство в Лондоне заняло двойственную позицию относительно национально-культурной природы жителей Подкарпатской Руси. С одной стороны, декларировалась свобода выбора населением собственной идентичности, с другой – многие члены правительства скрыто или явно симпатизиро-

вали силам, считавшим население края украинцами. Во многом это было связано с двойственной позицией чехословацкой политической эмиграции, в которой сочетались желание возродить Чехословакию в домюнхенских границах и понимание факта заинтересованности СССР в присоединении Подкарпатской Руси. По мнению В.В. Марьиной, «естественно было предположить, что, отойдя к СССР, эта область будет присоединена к Украинской ССР». Не желая портить отношения с потенциальным мощным соседом в лице СССР, представители чехословацких эмигрантских кругов принимали видение украинского вопроса, господствовавшее в Советском Союзе (Марьина 2003: 28–29). П. Цибере как главный сторонник общерусской природы жителей Подкарпатской Руси фактически оказался в политической изоляции. Чехословакии не удалось сохранить регион в своем составе.

После освобождения Подкарпатской Руси частями Красной армии в октябре 1944 г. последовал непродолжительный период существования просоветского квазигосударственного образования «Закарпатская Украина». По договору между СССР и Чехословакией от 29 июня 1945 г. регион вошел в состав Украинской ССР. Население Подкарпатской Руси в директивном порядке было объявлено украинцами, начался очередной драматичный этап в судьбе региона.

ЛИТЕРАТУРА

Дронов 2010 – Дронов М.Ю. К вопросу о месте русофильства в национально-культурной жизни русинов Словакии в XX столетии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). С. 77–88.

Казак 2015 – Казак О.Г. Национально-культурная жизнь Подкарпатской Руси в составе Чехословакии в освещении местной публицистики венгерского периода (1939–1945 гг.) // *Российские и славянские исследования*. 2015. Вып. 10. С. 323–324.

Казак 2017 – Казак О.Г. Этнокультурное развитие восточнославянского населения Подкарпатской Руси в условиях венгерской оккупации (1939–1944 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2017. 182 с.

Марьина 2003 – Марьина В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

Офіцинський 1997 – Офіцинський Р. Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944). Київ: Інститут історії України НАН України, 1997. 244 с.

Поп 2001 – Поп И.И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. 431 с.

РГАСПИ 1 – Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 103. Д. 112. Л. 56–57. Инструкция По-

литсекретариата Коминтерна, направленная ЦК КПЧ и Краевому комитету Коммунистической партии Закарпатской Украины. 13 августа 1927 г.

РГАСПИ 2 – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 543. Л. 2–4. Воззвание ЦК КПЧ к трудящимся Закарпатской Украины. 14 января 1932 г.

Черничко, Фединець 2014 – Черничко С., Фединець Ч. Резолюція Празької академії наук про народну мову Підкарпатської Русі (Закарпаття) і мовні полеміки (1919–1939 рр.) // Філологічний вісник Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини. 2014. Вип. 5. С. 82–93.

Шевченко 2003 – Шевченко К.В. Русинский вопрос в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 2003. № 3. С. 3–17.

Jarnecki, Kołakowski 2017 – Jarnecki M., Kołakowski P. «Ukraiński Piemont». Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTm, 2017. 383 s.

NAČR 1 – Národní archiv České Republiky (далее – NAČR). F. MV-L. Sign. 2-2-10. Kart. 88. Zápis 14. plenární schůze čtbtém zasedání Státní rady, konané dne 15. března 1944.

NAČR 2 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-10-9. Kart. 114. Dopis Ministerstva zahraničních věcí Ministerstvu národní obrany. Téma: «Podkarpatorusové, oficielní pojmenování». 28 ledna 1943.

NAČR 3 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-51-4. Kart. 218. Memorandum predložené československé vládě v Londýně členem Státní rady P.P. Cibere. 20 července 1943.

NAČR 4 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-51-4. Kart. 218. Projev pana I. Petrušáka v 14. plenárné schůzi čtvrtém zasedání Státní rady, konané dne 15 března 1944.

NAČR 5 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-51-4. Kart. 218. Zápis 22. schůze politického výboru ve čtbtém zasedání Státní rady, konané dne 1 června 1944.

NAČR 6 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-10-13. Kart. 114. Opis vlastnoručního dopisu min. Ripky p. Neumannu.

NAČR 7 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-10-3. Kart. 114. Dopis Ministerstva národní obrany Ministerstvu vnitra. Téma: «Barovszký Ant. pplk. Poznatky o Podkarpatské Rusi». 30 března 1942.

Němeček 2012 – Němeček J. Zápis ze schůzi československé vlády v Londýně. Praha: Historický ústav Akademie věd ČR; Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR, 2012. T. III / 1. 490 s.

REFERENCES

Dronov, M.Yu. (2010) About the place of Russophilia in the national and cultural existence of Rusins in Slovakia in the 20th century. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1(7). pp. 77–88 (in Russian).

Kazak, O.G. (2015) Natsional'no-kul'turnaya zhizn' Podkarpatskoy Rusi v sostave Chekhoslovakii v osveshchenii mestnoy publitsistiki vengerskogo perioda (1939–1945 gg.) [The national and cultural life of Subcarpathian Rus in Czechoslovakia in the light of local journalism of the

Hungarian period (1939–1945)]. *Rossiyskie i slavyanskije issledovaniya*. 10. pp. 323–324.

Kazak, O.G. (2017) *Etnokul'turnoe razvitie vostochnoslavjanskogo naseleniya Podkarpatskoy Rusi v usloviyakh vengerskoy okkupatsii (1939–1944 gg.)* [Ethno-cultural development of the Eastern Slavic population of Subcarpathian Rus under the conditions of the Hungarian occupation (1939–1944)]. History Cand. Diss. Minsk.

Maryina, V.V. (2003). *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Benesa i Stalina. 1939–1945 gg.* [Transcarpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in the politics of Benes and Stalin]. Moscow: Novyy khronograf.

Ofitsinsky, R. (1997). *Politichniy rozvitok Zakarpattya u skladi Ugorshchini (1939–1944)* [Political development of Subcarpathia in Hungary (1939–1944)]. Kyiv: Institute of Ukrainian History of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Pop, I.I. (2001). *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhhorod: V. Padjak.

The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 495. List 103. File 112.

The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 495. List 71. File 543.

Chernichko, S. & Fedinets, Ch. (2014). *Rezolyutsiya Praz'koï akademii nauk pro narodnu movu Pidkarpats'koï Rusi (Zakarpattya) i movni polemiki (1919–1939 rr.)* [Resolution of the Prague Academy of Sciences on the national language of Subcarpathian Rus (Zakarpattia) and language polemics (1919–1939)]. *Filologichniy visnik Umans'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Pavla Tichini*. 5. pp. 82–93.

Shevchenko, K.V. (2003) The Rusin question in the interwar Czechoslovakia. *Slavyanovedenie*. 3. pp. 3–17 (in Russian).

Jarnecki, M. & Kołakowski, P. (2017) *“Ukraiński Piemont”. Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939*. Warsaw: Oficyna Wydawnicza RYTM.

Národní archiv České Republiky (NAČR). Fund MV-L. Sign. 2-2-10. File 88.

Národní archiv České Republiky (NAČR). Fund MV-L. Sign. 2-10-9. File 114.

Národní archiv České Republiky (NAČR). Fund MV-L. Sign. 2-51-4. File 218.

Národní archiv České Republiky (NAČR). Fund MV-L. Sign. 2-10-13. File 114

Národní archiv České Republiky (NAČR). Fund MV-L. Sign. 2-10-3. File 114.

Němeček, J. (2012) *Zápisy ze schůzí československé vlády v Londýně*. Vol. 3. Prague: Historický ústav Akademie věd ČR; Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR.

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, преподаватель цикловой комиссии дисциплин общеобразовательного компонента Минского городского педагогического колледжа (Беларусь).

Oleg G. Kazak – Minsk City Pedagogical College (Belarus).

E-mail: olegkazak90@tut.by